

Издательство
«Школьная Пресса»

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с сентября 2001 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор
А.П.Фурсов

Редакционный совет:
Т.М.Горичева, религиозный
философ (Париж)

**Архимандрит Зиновий (Кор-
зинкин)**, декан факультета теологии и
религиоведения Курского государствен-
ного университета (Курск),

В.В.Лепахин, искусствовед,
богослов (Сегед, Венгрия)

Ю.Т.Лисица, доктор
физико-математических наук, про-
фессор Российского университета
Дружбы народов, зав. кафедрой
религиоведения миссионерского
факультета ПСТГУ (Москва)

В.М.Меньшиков,
зав. кафедрой теологии
и религиоведения Курского госу-
дарственного университета (Курск),

Иеромонах Мефодий,
директор православного
культурно-просветительского центра

«Свет Валаама»
(Спасо-Преображенский Валаамский
монастырь,

Республика Карелия, о.Валаам)

Протоиерей Борис Пивоваров,
председатель отдела образования
Новосибирской епархии, магистр
богословия (Новосибирск)

Н.А.Сульман,
директор школы «Возрождение»
имени святого апостола Андрея Перв-
озванного (Владимир)

В.М.Улитин, писатель, право-
славный педагог (Владимир)

Н.Н.Терентьева, солистка
Большого театра, народная артистка
России (Москва)

Н.М.Тихомирова, директор
духовно-просветительского центра
«Северная Фиваида» (Вологда)

П.В.Флоренский, профессор
Российского Государственного
университета
нефти и газа имени
И.М. Губкина (Москва)

Информационно-техническая поддержка
Е.А.Фурсов

Верстка
Н.В.Запорожец

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ.
Тираж 3300 экз. Изд. № 1599. Зоказ 564

Рег. ПИ № ФС 77-29554. Формат 70x108/16.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.

«Калевала» (Руна первая)

3
2009

В номере

Нравственный потенциал России

Земля Преображения.
Беседа с министром образования Республики Карелия
Александром Селяниным..... 3

Православное просвещение

Мануил, архиепископ Петрозаводский и Карельский
«Некакое просвещение не может дать
благодетельных плодов, не будучи освящено
светом веры...»
О роли Православной Церкви
в просвещении Карелии..... 7

Смысл жизни

Игумен Мефодий (Петров)
Мир стоит молитвами тех,
чьи слова доходят до Бога... (о. Валаам)..... 14

Святость

Валентина Калачева
Карельский месяцеслов (*отрывок*).
Из учебной программы «Основы православной
культуры Карелии» (г. Петрозаводск) 18

Вечные ценности

Ирина Милюкова
«Это чувство должно родиться в самом человеке...»
Роль и место ценностей патриотизма в системе
ценостных ориентаций современной молодежи»
(анализ эссе школьников и студентов в 2008 г.)
(*отрывок*) (г. Петрозаводск) 22

Проповеди, речи, беседы

Павел Плотников
«Вы есть родная кровинушка тех героев,
которые спасли Отечество...».
Из аудиопособия «17 уроков патриотизма»
(г. Кострома) 29

Монастырская библиотека

Князь Алексей Оболенский
«И там большим трудом добывалось тихое
и безмолвное житие...».
Публикация ТШевченко (о. Валаам) 35

Современная православная педагогика	Классика и современность
«Уже настало время себя забыть, прощать, не осуждать...».	Священник Павел Пуговкин
Из выступлений участников межрегионального семинара-практикума «Валаамские образовательные чтения–2008».... 47	«Не давай, народ грядущий, ты детей на воспитанье людям глупым, безрассудным...» (п. Калевала) 85
Учимся читать икону	Опыт: школа
Кирилла Маляренко	Валентина Степаненко
Мудрость инозрения (г. Петрозаводск) 54	Руна, цифра, слово, имя. Воспитание на уроках математики и русского языка на основе изучения карело-финского эпоса «Калевала» (г. Лахденпохья) 88
Учимся молитве	Опыт: дополнительное образование
Ксения Осипенко	Надежда Шестихина
«Молитва может быть на уровне чувств, эмоций даже, молчания...» (г. Петрозаводск) 59	Лучшее, что есть на этом свете... (п. Калевала) 92
Учимся родному языку	Чтения: кино
Елена Зиновьева	Александр Фурсов (текст)
«Здравствуйте, крещёные, здравствуйте, бажёные!» (Пудожский район) 61	Владимир Грамматиков: «Не надо гнаться за Гарри Поттером. У нас есть свои замечательные традиции детского кино» 95
Тихая моя родина	Александр Полосков
Анастасия Похмельных	Солнце Калевалы. О вычеркнутом из культурной жизни России шедевре Александра Птушко 98
Когда сладко и на устах и в душе... (г. Петрозаводск) 64	Хрестоматия
Честь имею	Павел Комаров, Владимир Уваров
Анатолий Никитин	Легенда о Сампо. По мотивам рун древнего карело-финского эпоса «Калевала». Сценарий художественного фильма (г. Петрозаводск) 100
«Вера, Отечество, Честь!» (г. Петрозаводск) 67	Чистый взгляд
Иной климат	«Я рассыплю блеск небесный на родную Калевалу...»
Наталья Федотова	Венок рун, сочиненных школьниками — жителями п. Калевала и Калевальского района 105
Скауты — кто они? (г. Костомукша) 70	Задушевное слово
Традиции российских народов	Светлана Заалова
Павел Леонтьев	«Здравствуй, папка!» Рассказ
След лодки Вяйнямейнена	(г. Петрозаводск) 109
(г. Петрозаводск) 73	
Музейная педагогика	
Людмила Шилова,	
Светлана Жульникова	
Былины и руны (г. Петрозаводск) ... 81	

В качестве заставок к статьям в номере использованы иллюстрации к карело-финскому эпосу «Калевала», выполненные художниками мастерской Павла Филонова (1883–1941) специально для издания «Калевалы» (1933 г., М. Л.: «Academia»).

Надписи к заставкам, если читать их одна за другой, представляют собой отрывок из руны «Рождение кантеле» в переводе С.Я. Маршака.

К первой полосе обложки. «Чудесная мелодия» — рисунок Евы Боевой, 13 лет (рук. Е.А. Лопаткина) (Райконкосская средняя школа, Суоярвский район, Республика Карелия)

К четвертой полосе обложки. «Вечер в Карелии». Фото Елены Зиновьевой (г. Пудож, Республика Карелия).

**АДРЕС РЕДАКЦИИ
(для посетителей):**

127254, Москва,
ул. Добролюбова, д. 16, корп. 2.
Тел.: 610-9341

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА
(для корреспонденции):**

127254, Москва, ул. Руставели, д. 10, корп. 3.
Тел.: 619-5287. Факс: 619-5289
E-mail: seprea@rambler.ru
frs@schoolpress.ru

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, 15

© «Школьная Пресса»

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве.
Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде сканирования, скопирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

След лодки Вяйнямейнена

Журналист, писатель — Павел Леонтьев — родом из тех мест, где рождались руны «Калевалы». В своей статье он показывает, что древние карельские эпические песни, в которых запечатлены высокие нравственные истины, могли появиться только на земле Вяйнолы. Почему? Да потому что люди, которые жили на этой земле, носили и на своем челе и в своей душе образ утерянного рая, и жизнь свою строили по этим райским праведным законам. Им жизнь была в радость, и тяжкий труд был им не в тягость. Их духовной высотой, открытостью и детскостью души был поражен Элиас Леннирот, когда записывал здесь, в беломорской Карелии старинные песни.

КАЛЕВАЛА — НАША ДУХОВНАЯ РОДИНА

«...Последним пристанищем Вяйнямейнена были берега озера Куйтто. Более тысячи лет назад он привел народ на эти голубые и беломошные просторы, в солнечные сосновые боры, вдохновил своим словом *на праведную жизнь* в полном согласии с природой, и потянулись века в трудах и согласии. Люди приходили в мир свободными, жили, уважая справедливый закон предков, не порабощая никого, но и сами не становились рабами, защищали свой край от традиционных захватчиков «руоччи».

Вяйнямейнен признавал власть мудрости и доброты, дабы уберечь свой род от насилия во имя обогащения и от зависти, неизменно побуждающей к насилию. Но обычай мира все плотнее обступали Вяйнолу, этот затерянный среди шума лесов *островок нравственности*. Сюда стали проникать недобрые начала жажды наживы и зависти, люди в предчувствии прихода нового божества стали менее строго соблюдать традиции предков.

Это насторожило главу рода, и он понял, что если силой слова людей не уберечь, то с надвигающимися пороками мира должен справиться сам народ. Он должен найти путеводные слова к *первозданной праведности* так же, как сам когда-то искал их. Народ должен проявить свою волю.

Он сел в медную лодку и отчалил от берега.

По сей день на глади озера нет-нет да и появляется след лодки Вяйнямейнена.

* Писатель, публицист, г. Петрозаводск, Республика Карелия.

Сделал гусли из березы

На прощание он наказал: если я буду нужен моему народу, пусть позовут меня, пусть зажгут на берегу огни, чтобы я видел куда пристать...».

Так гласит легенда о следе лодки Вяйнямейнена, которую передавали из поколения в поколение. Но как попросить основателя рода вернуться, как сказать ему, что мы его помним и чтим?

РУНОПЕВЦЫ И СОБИРАТЕЛИ

25 апреля 1834 г. Леннрот¹ пришел в Латваярви, где встретился с runopевцем Архиппой Перттуненом. От него за три дня он записал 4100 стихотворных строк. Много это или мало? По объему — это современный поэтический сборник в 160–170 страниц. Это за три дня!

Записанные от Архиппа Перттунена руны содержали законченные повествования о героических подвигах Вяйнямейнена, Илмаринена и Лемминкяйнена, объединяли их в один эпический сюжет. Тогда и появилась новая редакция его книги, уже не сборника народных песен, а целого эпоса. Леннрот безусловно обладал большим поэтическим даром и сумел объединить разрозненные сюжеты в единую поэму. Леннрот записывал со слов скандинавов, и понятно, что каждый из них вносил что-то свое. После прослушивания Архиппа Перттунена он понял, что из отдельных рун складывается целая поэма, в них заключен чудом сохранившийся целый исторический пласт жизни народа. И в этом его величайшая заслуга.

Но откуда пришло такое прозрение, такое видение?

Все услышанные им поэтические сюжеты рассказывали о жизни, борьбе и благородстве целого народа. Леннрот, путешествуя по Северной Карелии, увидел нечто большее.

ПОЧЕМУ РУНЫ УЦЕЛЕЛИ ИМЕННО ЗДЕСЬ, НА ЗЕМЛЕ ВЯЙНОЛЫ?

Архиппа Перттунен дал Элиасу Леннроту нить для раскрытия большой темы не случайно, она открылась ему в благодарность за душевное отношение к народу Вяйнолы.

Прочтите внимательно его путевые заметки, с каким уважением он говорит о людях, с каким состраданием относится к горю, казалось бы, чужих для него людей, врачует, исцеляет. Много раз он отмечает гостеприимность карел, их добродушие и приветливость, красивые стороны быта.

Леннрот опасался разбойников, каковые встречались на территории Финляндии. Но местный крестьянин, сопровождавший его, успокоил: у нас здесь нет злых людей, живем мы мирно, как птицы в лесу, здесь никто тебя не обидит. В какой бы дом он ни пришел после долгого пути, хозяева принимали радушно, всегда топили баню, и непременным угощением на столах были самовар с пирогами, рыба и брусника или морошка. Он очень тепло отзывался об общительности карел. На финской стороне, по словам Леннрота, если спросить хозяина о чем-либо, тот долго скребет затылок, как бы стараясь там отыскать ответ на его вопрос.

Ему понравились порядок и чистота в карельских домах: «там чище, чем в присутственных домах Финляндии». В путевых заметках не упоминается ни одного случая унизительной подчиненности и низкопоклонства среди карел. Такой здоровый общественный климат является самой жизнеутверждающей средой для творчества и для поэзии.

Все действия героев «Калевалы» происходят в этой нравственной среде и направлены на защиту существующих устоев края Вяйнолы.

После выхода в свет «Калевалы» появилось много споров о том, явля-

¹ Элиас Леннрот (финск. Elias Lennrot, 9 апреля 1802, Сяммитти, Финляндия — 13 марта 1884, там же) — крупнейший представитель финской культуры, выдающийся исследователь карело-финского эпоса «Калевала», языковед, врач по образованию.

ются ли персонажи эпоса историческими личностями или мифическими, сказочными.

Напомню слова Лендрота из предисловия ко второму изданию «Калевалы»:

«Самой лучшей и богатой колыбелью этих песен является Вокнаволокская волость Архангельской губернии². На восток оттуда, в сторону Туоппа-ярви и Пяярви песен уже заметно меньше».

...Начиная с семи лет, я три года прожил в Соломенском детдоме, вживаясь в русскоязычную среду и послевоенные беспризорные нравы. В детдом привозили детей, потерявших в годы войны своих родителей, из петрозаводских концлагерей, где они содержались оккупантами во время войны. Были мы в сорок пятом одичавшие, исхудальные, многие — забитые и больные. Вот тогда-то я наткнулся в библиотеке на книжку с названием «Калевала». Я просто вцепился в нее. В ней было все узнаваемо и волнительно. Имена, названия — все было знакомое и родное. Хотя, казалось бы, — откуда? Из семи прожитых лет четыре года прошли в эвакуации. После Соломенского детдома я попал в Ухтинский³, и тут я почувствовал себя дома. Тем же летом, когда я там появился, к нам пришла сказительница Мария Михеева. Она была в простой домашней одежде, повязанная деревенским плащом, и добрым и ласковым голосом пела для нас, одичавших сорванцов, карельские песни, отогревая наши души. Это была удивительная, исцеляющая доброта, мы возвращались в тот мир, который нам был предначертан от рождения.

Для меня с того дня началась целая эпоха узнавания родины. Я узнавал места, где ранее даже не бывал, до изнеможения ходил по лесам, в одно-

часье ставшими мне родными. Мы уходили и за десять, и за двадцать километров, бродили по брошенным оборонам, исследовали наши землянки и построенные финскими солдатами домики за их линией обороны. В торжественных сосновых лесах, на серых ягельниках я чувствовал себя настолько уютно, как нигде и никогда более в моей жизни.

И все же, если провести границы рунопевческих деревень, сопоставить языковое сходство, традиции и быт, то родина «Калевалы» становится узнаваемой. Бессспорно то, что персонажи, объединенные в эпос, были известны во многих местах Финляндии и Карелии, но песни о них наиболее полно осели и сохранились именно здесь.

После Лендрота рунопевческие деревни стали своеобразной *северной Меккой*. Завороженные описаниями края, где еще сохранился старинный добрый быт, сюда устремились писатели, художники, собиратели рун, исследователи. Для истории остались записи и фотографии И.К.Инхи, рисунки и воспоминания Луиса Спарре, которые позже отредактировал писатель Ёэл Лехтонен. Всеобщее внимание привлекла книга журналиста из Оулу Александери Эрвости о его путешествии в Беломорскую Карелию. Здесь побывал исследователь Самули Паулхарью. И уж, конечно, самые красивые и романтические произведения посвятил Беломорской Карелии писатель Илмари Кианто. Здесь же побывал художник Аксели Галлен-Каллела, сделал множество этюдов и набросков, написал целый тематический ряд картин, которые впоследствии стали иллюстрациями к «Калевале».

Писатели и художники черпали здесь творческое вдохновение, рассказывали в своих произведениях о том, что край патриархальной мечты не ушел в небытие, он живет по своим древним законам нравственности.

² В XIX в. Северная Карелия входила в состав Архангельской губернии.

³ Село Ухта — ныне п. Калевала.

Все их рассказы, картины выились в живое подтверждение того, что эпос «Калевала» рожден жизнью и взят из жизни. Из этого всего родилась историческая и культурная эпоха романтического карелизма.

«КАЛЕВАЛА» И РУССКАЯ МУЗА

В 1826 г. Ф.Н.Глинка, привлеченный по делу декабристов, был отправлен в ссылку в Петрозаводск, под тайный надзор полиции. Здесь он пишет поэмы «Дева карельских лесов» и «Карелия». Пушкин в «Литературной газете» дал им высокую оценку.

Ф.Н.Глинка глубже, чем другие русские поэты, коснулся устного народного творчества карел. Этому способствовала встреча с профессором Императорской Академии Наук А.И.Шегреном.

Еще в 1825 г. Шегрен побывал в Северной Карелии, в деревнях Войница, Вокнаволок, Чена. Здесь он встретился с Онтреем Малиненом и записал от него несколько рун, которые впоследствии вошли в сборник «Старинные песни финского народа». В 1827 г. Глинка и Шегрен встретились в Петрозаводске и между ними завязалась крепкая дружба. Шегрен познакомил Глинку с материалами, собранными им в путешествиях по Северной и Олонецкой Карелии, и Глинка сделал перевод руны «Рождение арфы», записанной Шегреном в деревне Чена у Петра Кеттунена. Впоследствии эту же руну среди многих других записал Элиас Леннрот, и она вошла в «Калевалу» 41-й руной.

Член-корреспондент АН СССР Василий Григорьевич Базанов в своей книге «Поэзия Русского Севера», изданной в Петрозаводске в 1981 г., приводит перевод руны, сделанный Федором Глинкой и параллельно с ним перевод той же руны, выполненный 60 лет спустя Бельским. Сверяя оригинал с этими двумя переводами,

можно сказать, что Глинка отнесся к нему очень бережно, сохранив первоначальную поэтичность руны. Его перевод воспроизвел изначальную гамму ее красок, и звучит она душевно, образно и красиво, хотя и стилизованно в духе жанра и времени.

В 1828 г. в «Славянине» появилась руна о состязании Вяйнямейнена и Ёукахайнена.

Поэзия Карелии давно притягивала внимание литераторов России. С марта 1820 г. по февраль 1821 г. в Вольном обществе любителей российской словесности, которым с 1818 г. и до декабря 1825 г. руководил поэт-декабрист Ф.Н.Глинка, трижды выступал кандидат Харьковского университета В.И.Брайкевич с чтением обширной статьи «О северной поэзии, ее происхождении и характере».

Перед поездкой в Италию, которая состоялась в 1828 г., композитор Михаил Иванович Глинка, увлеченный темой северной карельской поэзии, посетил порог Иматра.

В этой поездке с ним были поэты Антон Дельвиг, Орест Сомов и известная, воспетая Пушкиным Анна Керн. Она оставила восторженные записи о природе северного края.

Уверяют, что в этой поездке Глинка записал мелодию Вещего Финна для оперы «Руслан и Людмила». Позднее, уже прожив немалое время в Италии, Михаил Глинка все чаще обращается в своем творчестве к завьюженным полям России. В беседе со знаменитой итальянской певицей Джудиттой Паста он признается, что ему все чаще снятся северные сны.

ВЗГЛЯД ОТТУДА

Сосна, под которой, по преданию, Э.Леннрот записывал руны, стояла на высоком мысу, название которого было Матка-ниэми. То есть мыс путника. Мысов с таким названием толь-

ко на Куйтто не менее десятка. Это обычно самый приметный, маяковый мыс на выходе в озеро или на переходе с одной воды на другую.

Он предупреждает путника о подкарауливающей его крестовой волне, перемене ветров и течений, об отмелях или же подсказывает, что в непогоду здесь можно укрыться в избушке. Бывает, что на таком мысу, как и в прежние времена на перекрестьях дорог, установлены крест или часовенка в память о погибших от стихии. На этих крестах путники вязали платки, называемые заветами, как символ скорби о погибших и ожидания милосердия ко всем проходящим. И тогда этот мыс приобретал новое название — Ристиниэми, то есть Крестовый мыс. На выходе реки Ухта в озеро Куйтто находился этот мыс, Матканиэми, от которого, перекрестясь, путники поднимали парус и выходили в озеро. На этом мысу в осеннюю темень или при штурме зажигали костер для тех, кто возвращается домой. Костер зажигали к приходу почтовой лодки. У этого мыса была еще одна своя особинка. Расположен он напротив кладбища, которому сейчас наверняка более пятисот лет.

В Северной Карелии для кладбищ выбирали красивые места, расположенные в пределах видимости и слышимости от деревень. По мнению живых, ушедшие в Туонелу — страну смерти, должны были знать, что их помнят и память их чтут, и когда в тихие утренние илиочные часы полоска ряби вдруг пробегала по зеркалу воды, это означало, что предки вас слышат. В эти часы можно было общаться с ними, хоть вслух, хоть шепотом. И было такое состояние в природе, когда утреннее дуновение поднимало зависшую паутинку, опускало ее на гладь воды, и невесомая нить оставляла на воде едва заметный след. В это мгновение можно было обращаться к течению реки мертвых — Туонель. Именно

в такой умиротворенный миг мать Лемминкайнена попросила у царства мертвых вернуть ей своего сына. Этот миф живет, и такие мгновения не часты, их можно увидеть раз или два за жизнь. А может и не случиться такого. Поэтому, проплывая это место, старались говорить *тихо* и весла опускать *без плеска*.

Знал ли об этом Лендрот? Конечно же, ему рассказали. Он никак не мог миновать это освященное место. Да и местные рунопевцы посвящали уважаемого гостя в свои тайны и приобщали к своим святыням. Я там родился, и самое дорогое мне открывалось тоже не просто, не как-нибудь, а проночкало в душу вот такими искорками.

Испокон на этом мысу устраивали праздники, чтобы ушедшие в Туонелу предки не сетовали на забытость и забвение. Все дороги в большой мир начинались с этого берега и с этого мыса, других дорог в те времена не было, и на этом мысу, кто вслух, а кто молча, прощались с дорогими могилами.

Так была ли подлинной сосна Лендрота? Легенды не вырастают вдруг. Для их рождения, а тем более для утверждения, нужны века.

«КАЛЕВАЛА» — СКАЗКА ИЛИ ЛЕГЕНДА?

Сколько же за последние десятилетия было теоретизирований и споров вокруг эпоса «Калевала». Его разбирали, препарировали, упражнялись в переводах, утверждая, что все предыдущие были неточными, придумывали новые толкования словам и событиям. Исследователи рассматривали его как археологическую находку, а не как живую и живущую в народе легенду, которая сформировала народ и целую нацию.

Это даже не легенда, это *история жизни народа в поэтическом ореоле*, какой-то неизбежно создается вокруг героических дел и великих событий.

«Калевала» — это историческая легенда, а легенда всегда направлена в будущее, она оставляет больше свободы, она воодушевляет, призывает держаться определенных, данных предками **нравственных устоев**, является **духовным стержнем народа**.

Эпические песни в Северной Карелии были формой самовыражения и самоутверждения, а подвиги героев, воспетые в них, становились предметом подражания, мерилом нравственности

Подход к «Калевале» ограничивается чаще всего ее разбором как литературного произведения и будничным пересказом изложенных в рунах событий. Такой пересказ всегда приземлен, он не более, как разбор сказки.

Но «Калевала» — это историческая легенда, а легенда всегда направлена в будущее, она оставляет больше свободы, она воодушевляет, призывает держаться определенных, данных предками **нравственных устоев**, является **духовным стержнем народа**. Эпические песни в Северной Карелии были формой самовыражения и самоутверждения, а подвиги героев, воспетые в них, становились предметом подражания, мерилом нравственности.

По мере того, как менялся жизненный уклад тех или иных групп и народностей, как менялись жизненные ценности, забывалось духовное наследие. Вселившийся в души людей меркантильный дух не оставил места лирике и песням. И только в kraю Вяйнолы люди продолжали жить по прежним устоям. Счастливо изолированные лесными просторами и водными преградами, они жили по законам природы, брали от нее ровно столько,

сколько потребляли, деревни жили заботливыми общинами, не стремясь к наживе за счет чужого труда и не низкопоклонствуя ни перед кем. Здесь надолго сохранился дух равенства и уважения к человеку, забота о стариках и немощных.

Это был не миф, это была реальность, о которой рассказал соотечественник Леннрот. Польска спустя после него журналист из Оулу Алексантери Эрвасти, побывав здесь, повторил, что здесь живет народ, свободный от всего чуждого и наносного. Здесь нет воровства и грабежей. Люди держатся с достоинством, к гостям относятся с уважением.

К началу XX в. становится очевидным, что устои этой карельской патриархально-демократической общины не выдержат капиталистического натиска и сохранить здоровый ее дух можно только здоровыми преобразованиями, пока власть капитала не изуродовала души людей и не внесла в жизнь уже вовсю проявившегося как в России, так и в Финляндии, имущественного неравенства, духовного дисбаланса и рабства.

В 1905–1906 гг. ухтинцы в первый раз обратились к правительству России о предоставлении Северной Карелии хозяйственной автономии с обязательствами жить по российским законам, исполнять финансовую и воинскую повинность. В 1920-м с такой же просьбой обратились к Советской власти, выдвинув свою программу преобразования края. Напрашивается вопрос: а какое отношение все это имеет к «Калевале»?

Считаю, что самое непосредственное. Найдите в истории хотя бы один пример, когда общественно-экономические формации менялись без участия настроенного на перемены народа. Здесь же народ был веками воспитан в духе равенства, взаимопомощи, бережливого отношения к природе, настроен был защищать свою свободу.

«КАЛЕВАЛА» ЖИВА И ПОНЫНЕ

Песни, или руны, Северной Карелии рождены по большей части в душевном общении с природой. По Калевальскому району протекает одна из самых загадочных рек Северной Карелии — Писто. Названия порогов и озер, через которые проходит эта река, носят не совсем привычные, библейские, а может быть, языческие названия. В реку, на середине ее пути, слева впадает речка Йо-ёки (Yo-joki), или в переводе — река Ночи. (В русской транскрипции название речки невозможно написать правильно.) Со стремнины Писто она почти не заметна, а на правом берегу еще менее заметная протока в Ихмистуш-ярви, что в переводе может означать, как озеро Очеловечивания. Река Ночи тихая, глубокая и с темной водой, закрыта от неба нависающим хвойным пологом, завораживает и будит в воображении легенды о реке Туонела. Это когда ты один на таежной тропе.

Не менее загадочно и озеро. Однажды осенью один из его заливов оказывается усеянным птичьими перьями.

Перед этим, вечером, на озере наступает такое затишье, что опустившаяся на воду паутинка и в самом деле оставляет след. В сумерках в этой тишине, когда вершины высоких сосен не улавливают даже малейшего дуновения ветра, нет-нет да и вздохнут камыши, словно перешептываются тени предков, тихо и незаметно для непосвященных. В это время пороги на реке меняют голоса, их гул становится более ровным и торжественным. Бабушка Ваппу Малинен рассказала мне одну сказку о девушке, с горя бросившейся в ревущий порог. Но порог не принял такой жертвы и, не долетев до воды, девушка превратилась в птицу. С тех пор один раз в году птичья стая на перелете останавливается на озере возле порога, птицы сбрасывают перья и на время, до рас-

света, становятся девушкиами. Но остаться в человеческом обличье дано лишь той, которую ищет и ждет на берегу ее суженый. Если нет, то к утру стая снимается и с печальным криком покидает озеро, на котором не суждено им было вернуться в мир людей. На воде в обилии остаются сброшенные к ночи перья. Сказка этаозвучна теме Туонела и возвращения к жизни Лемминкяйнена. Но это явление реальное, и повторяется оно каждый год, причем не в период линьки гусей, а на перелете.

Мне так и хотелось сказать, что все это родилось именно здесь, но это не единственное освященное сказкой место.

«Калевала» вышла из трудовой народной среды. В рунах, которые рассказывают о рождении железа, есть несколько моментов, которые подтверждают, что это не салонная выдумка. Илмаринен безуспешно трудится над поковкой, но она не удается, и тогда он бросает в горно щепотку песка.

Кузнецам свободной ковки, каковых сейчас едва ли найдешь, известен такой секрет, что при кузачной сварке необходимо в качестве флюса бросить в горно щепотку песка. Как известно и то, что, если в горне побывала хоть медная пылинка, куски стали не сварятся. В рунах «Калевалы» скрыта великая и неразгаданная тайна, истоки которой еще возможно где-то живут.

ДОРОГА К ВИПУНЕНУ

Первый и ставший классическим перевод «Калевалы» на русский язык был выполнен Л.П.Бельским. С участием своих помощников он несколько лет собирал толкования карельских слов и понятий. Самому Ленинроту далеко не все слова, пришедшие из древности, были понятными, и тут смог бы помочь разве

что Антеро Випунен, мифический персонаж «Калевалы», к которому обратился в поисках трех слов Вяйнямейнен. Этот эпический фрагмент как бы служит напоминанием о том, что главный носитель истории народа — язык — исчезает бесследно и навсегда. Но как теперь найти дорогу к Випунену? Как сделать понятными для русского читателя практически непереводимые имена и названия, в которых заключен глубокий смысл, когда одно такое слово будит целый рой мыслей, возвращающих древний колорит и является составной частью эпического повествования, уже почти самостоятельной поэмой?

Песни, составляющие «Калевалу», дошли до нас из глубокой древности. Народный быт менялся, приходили новые ремесла, рождалась с ними новая терминология, которая со временем в силу таких же причин отмирала. И вот Вяйнямейнену для построения лодки не хватило трех слов, которые мог помнить только ушедший в вечный сон Випунен.

Я уже упоминал про названия на безлюдной и загадочной реке Писто, которые имеют какое-то свое библейское, или языческое, звучание.

В отроческие годы мне довелось работать в лесоустроительной экспедиции, общаться в этих таежных странствиях с гидрологами и геологами и, само собой, быть переводчиком. Не в обычных разговорах — бытовой русский тогда местные жители в большинстве своем понимали. А именно в толковании названий на местности, в попытках докопаться до изначально-

го их смысла. Ученых и специалистов это интересовало потому, что они успели убедиться, что в топонимике можно найти ответ на интересующий их предмет поиска.

...Отсветы пламени из печки розовыми зайчиками пляшут по бревенчатым стенам, потрескивают горящие поленья, а за оконцем хмурится дождями осенний вечер. Все это воспринимается сердцем светло, и вовсе не возникает мыслей о том, какая трудная работа предстоит на завтра. Это просто осень, с которой ты в добром согласии разделяешь единую судьбу. Так испокон веку воспринимались в народе все работы. У вольного народа нет каторжного труда. В народной поэзии, в «Калевале», вы не найдете проклятий тяготам жизни.

Разве что тема сиротской доли Куллерво. Она с детства отпугивала меня и выталкивала из мира радостных впечатлений.

Почему я от поэзии рун перехожу к поэзии лесного быта? Объяснение простое: для меня и то и другое — родина, завещанная моими предками. С чем мы вышли в трудный 1941 год? С мыслью защитить родину. И с чего мы начали 1945-й? С мыслью восстановить все разрушенное в войну. И мы справились, мы победили, мы построили... На мой взгляд, сейчас настало именно такое время, когда народ нуждается в **возрождении такой духовной опоры**, которая служила нашим предкам и нам на протяжении столетий, на протяжении всей истории, в самые трудные годы являлась духовным стержнем, придавала силы, напоминала о достоинстве и чести.

